

ДЖОН КИН

Страх и демократия

Развращает не власть, а страх. Страх лишиться власти развращает тех, кто обладает ею, а страх кнута власти развращает тех, кто ей подчиняется.

Аун Сан Су Чжи (1991)

Деспотизм

Со временем о нападениях террористов-смертников на два главных американских символа глобализации будет сказано многое, но уже сейчас с полной уверенностью можно говорить, что их следствием стал страх, которым они, как сообщается, поразили сердца многих людей во всем мире и, прежде всего, в самих Соединенных Штатах.¹ Спустя месяц после нападений реактивные истребители каждый день взмывали над главными крупными городами этой страны для «защиты родины». Для обеспечения безопасности внутри и снаружи всех правительственных зданий прилагались значительные усилия. Аэропорт в столице страны с большим трудом возобновил свою работу. Средства массовой информации трезвонили о том, что двое человек заразились сибирской язвой от смертоносного вещества, которое многие называли наиболее вероятным оружием в случае биологической атаки. Множество слухов появилось также по поводу неожиданной приостановки работы на восемь часов национальной автобусной сети «Грэйхаунд» (в результате аварии, вызванной нападением на водителя человека с бритвой) и происшествия в столице, когда была закрыта одна из станций метро, а пассажиры подвергнуты карантину после того, как безбилетник обрызгал сотрудников транспортной полиции из баллончика, содержавшего средство для чистки ковров. Специалисты, приглашенные в эфир *CNN*, назвали такую нервозность «новой нормой»: отвечая на вопрос о том, что же собой представляет «нормальное состояние», рядовые американцы главным образом говорили о своих страхах, связанных с его утратой. Между тем, продажи боеприпасов, оружия, бронезилетов и противогазов продолжали расти. Та же ситуация

¹ Edward Alden and Sheila McNulty, 'Fear and rumour leave America in grip of anxiety', *Financial Times Europe*, 11 October 2001, p. 18; Paul Krugman, 'Fear Itself', *The New York Times*, 30 September 2001.

наблюдалась и с продажей антибиотиков, воды в пластиковых бутылках и консервов. Все шире велись разговоры об «экономике страха», которые, в свою очередь, подкреплялись новой статистикой отмены отпусков, все более частыми отказами летать самолетами, значительным сокращением потребительских расходов на предметы роскоши и снижением планов производственных капиталовложений. Несмотря на факт проведения самого масштабного в истории республики расследования и сбора оперативной информации, большинство граждан признавалось, что им никак не удастся избавиться от страха. Они говорили о своей глубокой неуверенности и возможности других нападений. Многие из тех, что постарше, вспоминали, что нынешнее чувство страха имело сходство со страхом перед возможными ядерными ударами в начале «холодной войны».

Выход страха за пределы Соединенных Штатов, которому способствовало быстрое распространение кадров, записей и пересказов, возможно, ознаменовало собой новый этап глобализации страха, начавшейся после окончания первой мировой войны и усилившейся после второй мировой, а также изобретения и развертывания ядерного оружия. Четырежды за одно столетие страх накрывал своей внушительной тенью весь мир. Странность заключается в том, что этот новый этап глобализации страха застал политическую мысль врасплох, главным образом из-за того, что в последние десятилетия вопрос о страхе редко возникал при обсуждении проблем политической философии и политической науки. Блестящая берлинская лекция полувековой давности, прочитанная Францем Нойманом по данному предмету, представляла собой одну из последних трактовок этой темы, которая затем была предана забвению.² Всякий раз, когда она всплывала вновь, как правило, она представляла исторический интерес, связанный главным образом с классической работой Монтескье «О духе законов» (1748).³ Это сочинение помогло Монтескье завладеть воображением нескольких поколений политических мыслителей и писателей, пораженным одним из важнейших политических событий восемнадцатого века: возникновением страха перед государственным деспотизмом и надеждой на возможность вырваться из его тисков, которую породили военное поражение британской монархии в американских колониях и первые шаги Великой французской революции.⁴

Все это время Монтескье много читали и обильно цитировали, в значительной степени потому, что в его работе содержалось совершенно новое понимание концепции деспотизма. Монтескье видоизменил классическое греческое понимание деспотизма как формы монархического правления, осуществляемого господином на законной основе над рабами. Отвергнув также последующее положительное представление Бодена и Гоббса о деспотизме как форме политического правления, оправданного победой в войне с внешним врагом или в гражданской войне, Монтескье вступил в споры восемнад-

² Franz Neumann, 'Anxiety and Politics', in *The Democratic and Authoritarian State. Essays in Political and Legal Theory* (London 1964), pp. 270–300.

³ Монтескье Ш. Л. *О духе законов*. М., 1999.

⁴ См.: John Keane, 'Despotism and Democracy. The Origins and Development of the Distinction Between Civil Society and the State, 1750–1850', in John Keane (ed.), *Civil Society and the State: New European Perspectives* (London and New York, 1988 [1998]), pp. 35–71.

цатого века, вызванные защитой «*despotisme légal*» у физиократов. Весьма оригинально выступив против всех предшествующих рассуждений об этом предмете, он, не без опасений, считал деспотизм типом политического режима, который первоначально возник на Востоке, а теперь изнутри угрожал Европе. По его мысли, деспотизм был произвольным правлением, основанным на страхе. Деспотизм безжалостно уничтожает в государстве группы и классы, занимающие промежуточное положение, и вынуждает своих подданных жить в разобщенности, невежестве и боязни. При деспотических режимах, по замечанию Монтескье, пышным цветом расцветают страх и взаимные подозрения. Жизнь, свободы и собственность отдельных граждан подчинены произволу власти. Все вынуждены подчиняться пугающей максиме, согласно которой «управляет одно лицо по своей воле и прихотям».⁵

В разборе деспотизма у Монтескье, несомненно, весьма сильны были элементы воображения или «вымысла», особенно в том, что касалось предвзятых или ориенталистских представлений о мусульманских обществах.⁶ Тем не менее, связав воедино темы страха и деспотизма, Монтескье во многом способствовал интеллектуальному отходу от *status quo* абсолютной монархии в атлантическом регионе, убедив многих своих читателей в том, что деспотизм был новой и опасной формой неограниченной — сосредоточенной и необъяснимой — светской власти. С точки зрения Монтескье, деспотизм, у которого не было никаких иных идеалов, кроме слепого стремления к власти ради власти, и который опирался на слепое повиновение своих подданных, представлял собой полубезумную, насильственную и внутренне противоречивую форму правления. Слепо властвуя над миром, оставляя за собой следы беспорядка, разорения и беззакония, он доходит до того, что начинает уничтожать основы собственного всемогущества. Таким образом, он уничтожает страх, без которого его процветание невозможно. Деспотизм становится бичом приличий. Он повергает в ступор и вызывает отторжение у тех, кто испытывают страх; он прибавляет мужества тем, кто жаждут жизни без страха. Он побуждает своих противников искать альтернативы ему, к примеру, в виде республиканского правления, представительных парламентских мер по разделению властей, возвращению свободного общественного мнения в условиях господства права и воспитания граждан в духе гражданской добродетели.

Демократия

Такие рассуждения у критиков деспотизма после Монтескье способствовали возникновению современного представления о том, что республиканские или парламентские демократии, в которых власть разделена и находится под постоянным общественным надзором, ослабляют страх до такой степени, что он утрачивает свою значимость для политики. Иногда предположение о том, что демократические государства свободны от страха или реше-

⁵ Монтескье Ш.Л. *О духе законов*. С. 27.

⁶ См.: Alain Grosrichard, *Structure du sirail: la fiction du despotisme asiatique dans l'Occident classique* (Paris 1979); Chris Sparks, *Montesquieu's Vision of Uncertainty and Modernity in Political Philosophy* (London 1999).

ли его проблему, высказывается открыто, например, в одном из недавних важных исследований современной политики и страха, проведенном Хуаном Корради и его коллегами.⁷ В нем утверждается, что, хотя демократические государства и не избавились от страха окончательно (политический порядок без страха — это недостижимая утопия), они не имеют себе равных в историческом отношении по способности сублимировать, ослаблять и творчески использовать людские страхи. Признанные демократические государства тяготеют к «приватизации» страха, превращению его в личное дело, которым люди занимаются самостоятельно в своей повседневной жизни, в интимную проблему, которую анализируют и преодолевают вместе с супругом, другом, психоаналитиком или священником. Не так уж удивительно, что политическая философия и политическая наука утрачивают интерес к этому предмету, который становится подразделом политической психологии. И только отдельные мыслители задаются вопросом о том, каким образом демократическим государствам действительно удастся сделать страх маргинальным явлением, вытеснить его в область интимного и трансцендентного опыта. Корради и его коллеги по понятным причинам озабочены современными формами государственного деспотизма в Латинской Америке, поэтому тезис о том, что в демократических странах решена вековая проблема страха, по большей части играет роль контрфактического допущения. Они всего лишь перечисляют различные средства, используемые демократическими странами, построенными по американской модели, чтобы избавиться от страха, которые включают децентрализацию власти, самоуправление местных общин, поощрение религиозных свобод, находящихся под защитой государства, возможность быстрой географической и социальной мобильности и, прежде всего, представительное правление.⁸

Тезис о том, что демократии приватизируют страх, побуждает к определенным размышлениям. Однако этот тезис малоубедителен, поскольку он лишь в общих чертах намекает на динамические процессы, посредством которых существующие демократии действительно пытаются — но не очень успешно — ослабить ту роль, которую играет страх во всех структурах власти. Что же тогда присутствует в этих процессах, свойственное только демократии, что приводит к ослаблению и «приватизации» страха? И возможно ли существование обратных процессов, которые приводят к тому, что страх оказывается проблемой, не разрешимой до конца демократическими государствами? Возможные ответы на эти вопросы не самоочевидны, но при рассуждении с позиций здравого смысла — скажем, с позиций традицион-

⁷ Juan E. Corradi, Patricia Weiss Fagen and Manuel Antonio Garretyn (eds.), *Fear at the Edge: State Terror and Resistance in Latin America* (Berkeley, Los Angeles and Oxford 1992).

⁸ *Ibid.*, pp. 1–10, 267–292. Этот тезис прекрасно подытожен в статье: Norberto Lechner, 'Some People Die of Fear. Fear as a Political Problem', in *ibid.*, pp. 33–34: «Демократия связана не только с терпимостью; она связана с признанием другого в качестве такого же участника в построении общего будущего. Демократический процесс, в отличие от авторитарного режима, позволяет нам осознать, что будущее — это интересубъективное предприятие. Инаковость другого — это, таким образом, инаковость *alter ego*. Рассматриваемая с такой точки зрения, свобода другого, ее непредсказуемость, перестает быть угрозой самождественности; она служит условием саморазвития».

ных представлений о демократии и страхе — принято выделять три пересекающихся процесса, которые, по-видимому, служат причиной того, почему демократии делают страх обыденной вещью. Прежде, чем перейти к более подробному — менее наивному — изложению проблемы демократии и страха, опишем в общих чертах указанные процессы:

1. *Ненасильственное разделение властей.* Согласно традиционной точке зрения, в демократических странах обычно происходит ослабление страха у тех, кто правит, и тех, кем правят, потому что в них вводится практика ненасильственного разделения властей на уровне правительственных учреждений. Уникальность этого нововведения можно понять, приняв во внимание то обстоятельство, что все предшествующие современные территориальные государства и военные империи обычно стремились осуществлять монопольный контроль над средствами насилия и править, вызывая у других страх путем угрозы использования этого насилия. Власть же в этих государствах и империях, зачастую осуществлявшаяся во имя ослабления страха у собственных подданных, сама *вызывала* страх у своих подданных, противников внутри страны и врагов за границей. Как подчеркивал Гильельмо Ферреро, государственные и имперские правители, наделенные пугающим правом лишать жизни других (меч правителя всегда должен быть обагрен кровью, замечал Лютер), обнаружили вкус и склонность к жестким поступкам. Вооруженные мечом, правители способны были вызывать страх, даже в самом крайнем его проявлении, которое Монтескье называл деспотическим. Насильственное преследование и попытки уничтожения религиозных меньшинств, например гугенотов, были всего лишь наиболее яркими примерами такого правления: использование шпионов и осведомителей, милитаризация гражданского населения, жестокие наказания, насильственные обращения в другую веру, пытки и избиение мужчин, женщин и детей способствовали возникновению страха, намного превышавшего все описанное или рекомендованное в руководствах раннего Нового времени о правлении, написанных такими выдающимися личностями, как Боден и Гоббс. Способность правителей вызывать страх у других, разумеется, использовалась также и в отношении их (потенциальных) соперников. Те, кто готовили заговор с целью захвата или паралича вооруженной власти, например путем *coup d'état* или цареубийства, обычно рисковали своими жизнями и опасались совершить задуманное. Что было совсем неплохо и даже необходимо, советовал Макиавелли. Размышляя об известном своей жестокостью Цезаре Борджиа, он открыто критиковал совет Цицерона, что любовь в сравнении со страхом — куда более действенное средство правления: «гораздо надежнее внушать страх, чем любовь».⁹

Демократии сводят к минимуму такой страх, с самого начала договариваясь об отказе от насилия между правителями и их потенциальными соперниками и противниками. Основание этого соглашения помогает объяснить то, что можно было бы назвать «законом Дамокла». При дворе Дионисия, довольно опасливого тирана Сиракуз, был льстивый придворный по имени Дамокл. Он жаждал обладать такой же властью, как и его господин, поэтому Дионисий решил преподать ему урок, пригласив Дамокла побыть главным на роскошном

⁹ Макиавелли Н. *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь.* М., 2002. С. 407.

монаршем пире. Облаченный в пышное одеяние, Дамокл был весьма польщен и исполнял свою роль удивительно хорошо, пока не обнаружил, что над его богатым золотым тронном на конском волосе висит огромный меч. Глупый придворный, ставший на время правителем, в ужасе закричал. Он усвоил урок, что те, кто правят при помощи страха, сами могут умереть от него и что поэтому им лучше посоветовать найти для правления иные средства, чем страх. В демократических странах это правило становится основным законом: они чтят «закон Дамокла», вырабатывая согласие между теми, кто правит, и теми, кем правят, относительно того, что угрозы насилия и правление при помощи страха нелегко обуздать, что никто не находится в безопасности и что, следовательно, такие угрозы не должны использоваться правительством или оппозицией.

2. *Гражданское общество*. Традиционные представления о демократии и страхе предполагают, что в демократических государствах страх также начинает реже использоваться в качестве оружия, которым обладают правящие круги, вследствие институционализации границ действия политической власти в форме гражданского общества. Историческое открытие в Европе в начале Нового времени пространств ненасилия, называемых гражданскими обществами, оказалось внутренне противоречивым и потому весьма изменчивым — но от того не менее важным — процессом.¹⁰ Возникновение этих обществ стало возможным в результате вытеснения или «вычищения» основных средств насилия из повседневной жизни и их сосредоточения в обезличенном виде в руках аппаратов подавления имперских или территориальных органов власти. Поскольку собственность на средства насилия перешла из негосударственной сферы в сферу государственную (этот процесс всегда был и до сих пор остается весьма спорным¹¹), гражданские общества стали уязвимыми для постоянных армий и сил полиции, которые могли преследовать их внутри государства или время от времени призывать их к убийству внешних врагов в войнах между хорошо вооруженными государствами.

Гражданские общества, которым удалось выжить и которые процветают сегодня, все же способствовали сохранению важной свободы: свободы людей жить без повседневного страха насильственной смерти от рук других людей. Современные гражданские общества, как правило, превращают потенциальных врагов в «чужаков», чуждость которых, по замечанию Зиммеля, проистекает из их одновременной отдаленности и близости к окружающим их другим людям.¹² Но в современных гражданских обществах чужаки имеются в изобилии, а дикие наклонности и необузданная ненависть, уничтожающие все, что кажется враждебным, становятся редкостью. Члены гражданского общества научились подавлять или сублимировать свои агрессивные импульсы, независимо от того, на что они направлены — на правительства или на точно таких же граждан. Они обнаруживают поразительную выдержку, даже перед лицом враждебности. Кажется, будто они руководствуются внутренним голосом, предостерегающим их от причинения насилия другим людям, которые вызывают

¹⁰ См. классическую работу в этой области: Элиас Н. *О процессе цивилизации*. В 2-х т. М. — СПб., 2001.

¹¹ Janice E. Thomson, *Mercenaries, Pirates, and Sovereigns. State-Building and Extraterritorial Violence in Early Modern Europe* (Princeton 1994).

¹² Georg Simmel, «Der Fremde», in *Soziologie* (Munich and Leipzig, 1908), pp. 685–691.

у них раздражение или представляют для них угрозу. Социальные пространства, объединяющие индивидов, становятся все более ненасильственными, а «соблюдение приличий» превращается в долгожданную норму. Конечно, существует множество тенденций, действующих в противоположном направлении, но способность гражданских обществ обходиться без насилия означает, что «другой», например, фигура чужака или незнакомца, в принципе может быть принят — даже радушно встречен — без страха. Инаковость не считается помехой или неудобством, которое со временем будет устранено либо путем насильственного исключения, либо путем стирания ее особых черт. Говоря языком Эммануэля Левинаса, в рамках гражданского общества субъект, действующий самостоятельно или вместе с другими людьми, не находится ни «у себя дома» [*chez soi*], ни «в себе» [*en soi*]. И, конечно, инаковость не существует (как утверждает Жан-Поль Сартр в своей работе «Бытие и ничто») «для себя» [*pour soi*]. Скорее предполагается, что она существует в близости к другим, что она образуется *при помощи и в виде* ее предъявления им, что, следовательно, она может ненасильственным образом сообщаться с ними посредством «бесстрашного раскрытия себя в откровенности, в выходе из замкнутости и сбрасывании всех покровов, в обнажении травм, в ранимости».¹³ *Homo civilis* понимается как заложник других людей. Открытость перед ними — основа его существования. Он понимает, что он — другой для других людей и что, следовательно, ответственность за них не является ни случайностью, ни знаком его «естественной» любви или «естественной» доброжелательности к ним. *Homo civilis*, напротив, понимает нечто, что одновременно является более сущностным и более случайным: что почтительность — это выражение временной и пространственной взаимозависимости, что только вследствие «пребывания в положении заложника в этом мире возможны сострадание, сочувствие, прощение и близость — и даже самая малость, даже простое «После Вас, сударь»».¹⁴

3. *Публичность*. Существующие демократии действуют сегодня в рамках глобальной системы средств массовой информации. Согласно традиционной теории, эти средства массовой информации изменяют характер страха, испытываемого членами гражданских обществ, публично рассказывая о нем и сокращая тем самым количество подлинных страхов, испытываемых ими. С момента возникновения печати в начале Нового времени эти средства передачи информации способствовали разоблачению деспотического потенциала правительственных учреждений, тем самым способствуя возникновению в обществе убежденности в том, что страх не должен быть нормой, что правление при помощи страха незаконно. Развитие общественного мнения в ненасильственных общественных сферах стало считаться орудием против парализующего действия страха.¹⁵ Во многом схожий процесс способствовал образованию гражданских обществ путем создания пространств, в рамках которых определенные вещи можно было говорить и совершать без страха последствий, и содействия публичному высказыванию неопределенных опасений и откры-

¹³ Emmanuel Levinas, *Autrement qu'etre ou au-delà de l'essence* (The Hague, 1974), pp. 82–83.

¹⁴ *Ibid.*, p. 186.

¹⁵ См.: John Keane, «Liberty of the Press», in *The Media and Democracy* (Oxford and Cambridge, Ma., 1991), pp. 2–50.

тых страхов их членов, которое, в отличие от страданий в одиночестве, может способствовать избавлению других от страха. Исчезновение слухов, которые некогда играли роль основного канала распространения страха,¹⁶ было одним из важнейших следствий возникновения средств массовой информации. Слухи передают страх при помощи формулировок, наподобие «люди говорят», «я тут слышал» или «ходят слухи». Такие слухи не имеют определенного содержания, и потому их трудно опровергнуть; их подают горячими, то есть тотчас же пересказывают следующему слушателю. Слух — это цитата с лазейкой; никогда не ясно, кого цитируют или кто его запустил.¹⁷ Напротив, ненасильственные предположения и опровержения, споры и обсуждения, которые имеют место в публичной сфере, связаны с проверкой достоверности и отслеживанием источника — «денатурализацией» и «десакрализацией» — повседневных страхов.

Треугольник страха

Пока что привычное утверждение, что при демократии количество страхов у своих граждан, как правило, уменьшается, а сами они становятся тривиальными, кажется правдоподобным, но следующий вопрос без труда обнаруживает основную сложность при исследовании демократии и страха: проблема определения самого страха. В сфере политики, помимо страха, без внимания остаются еще несколько ключевых понятий. В отличие от сильнейших дискуссий по поводу других ключевых понятий, наподобие государства, демократии, власти, понятие страха обычно используется как самоочевидный термин, как понятие, которое даже не заслуживает определения, потому что считается, что все, испытавшие в своей жизни страх или слышавшие о нем от других, знают, что это такое.¹⁸

Такое допущение («страх — это страх») явно ошибочно, как показывает полемика в других академических областях, наподобие психологии, физиологической психологии и философии.¹⁹ Многое можно было бы сказать об этой полемике и ее значимости для демократической теории, но сейчас необходимо выборочно использовать ее материалы для нового объяснения феномена страха, который понимается здесь как «идеально-типическое» понятие, которое способно прояснить наше понимание политической темы, долгое время остававшейся в тени, а теперь требующей особого внимания.

Страх — это имя, которое необходимо дать особой разновидности психического и телесного отреагирования отдельного человека или группы людей в треугольнике связанных между собой переживаний. Этот треугольник переживаний, в котором страх возникает в определенное время и в опреде-

¹⁶ Ср.: слух — это «в равной степени подтверждение и разъяснение общего страха, и, кроме того, первый этап процесса отреагирования, который на время освобождает толпу от ее страха. Слух — это определение угрозы и прояснение ситуации, которая стала невыносимой» (Jean Delumeau, *La peur en Occident, XIVe-XVIIIe siècles* [Paris 1978], p. 247).

¹⁷ Hans-Joachim Neubauer, *Fama: Eine Geschichte des Gerichts* (Berlin 1998).

¹⁸ Пример такого употребления понятия страха см.: Barry Buzan, *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era* (Boulder 1991).

¹⁹ Anthony Kenny, *Action, Emotion and Will* (London 1963), chapter 3.

ленном месте, у людей — и вообще позвоночных²⁰ — исторически изменчив. Нет никаких сомнений в том, что с течением времени люди и звери проходят — филогенетически — различные пороги страха; также в процессе онтогенеза люди с младенчества могут развить — и развивают — свою способность преодолевать разного рода страхи; и, как прекрасно понимал Монтескье, в различных политических системах обнаруживались совершенно различные формы проявления страха. Однако феномен страха всегда возникает в треугольнике социально и политически опосредованных переживаний. Углы этого треугольника обозначены (а) объективными обстоятельствами, которые кажутся субъекту или группе субъектов угрожающими; (б) телесными и психическими симптомами, вызванными объектом и переживаемыми в качестве таковых отдельным субъектом или группой; и (в) индивидуальными или групповыми отреагированиями, направленными против объекта, который вызвал эти симптомы (см.: Рис. 1).

При таком рассмотрении, становится очевидно, что страх не является состоянием, возникающим естественным образом, а скорее представляет собой результат динамических отношений между людьми и социально-политическими обстоятельствами, в которых они находятся. При понимании страха как особого переживания, которое возникает в пределах этого треугольника, его отношение к схожим в общих чертах, но в целом отличным переживаниям становятся очевидными. За пределами этого треугольника понятие страха просто не применимо. Рассмотрим случай, когда субъект не обнаруживает симптомов страха и не реагирует на угрожающие обстоятельства (солдат, который тупо идет в бой под воздействием наркотиков или из долга), или случай, когда человек реагирует на угрожающие обстоятельства, но не обнаруживает никаких симптомов страха, например, когда человек, не раздумывая, решает обойти стороной патруль, который кажется ему вражеским. В обоих случаях понятие страха неприменимо. При таком понимании страха как особой совокупности переживаний, определяемой взаимодействием субъекта и объ-

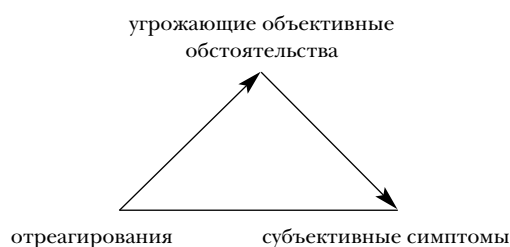

Рис. 1. Треугольник страха

²⁰ Eric A. Salzen, «The Ontogeny of Fear in Animals», in Wladyslaw Sluckin (ed.), *Fear in Animals and Man* (New York 1979), pp. 125–163. Ср.: «учитывая, что у нас имеются данные об определенной способности получать и расшифровывать получаемую из окружающей среды информацию об опасностях или угрозах, а также определенной способности угадывать опасность (или наличии врожденной способности для установления таковой), понятие страха можно использовать не только по отношению к людям, но и по отношению к животным» (р. 9).

екта, конечно же, можно осознать различие между страхом и тревогой. Тревога — это не разновидность страха, скорее, она представляет собой некую возбужденную реакцию на события, произошедшие в прошлом (сексуальное насилие со стороны родителя, столкновение со смертью лицом к лицу), или на возможные будущие события, например, экзамен, который может завершиться провалом, ядерный взрыв, вызванный «обычной аварией», или старение. В каждом из этих случаев события, которые вызывают тревогу, находятся в некоем отдалении, либо могут вообще не случиться в будущем. Разумеется, тревога может перерасти в страх, но различие остается. В отличие от тревоги, страх присутствует здесь и сейчас. Он представляет собой субъективную реакцию на наличные объективные обстоятельства.²¹

Исходя из этого уточненного понятия страха, рассмотрим подробнее, что же происходит в этом треугольнике переживания, называемого страхом.

Субъективные симптомы. Обычно страх переживается в виде субъективных симптомов, которые принимают форму физиологических, психических и эмоциональных изменений. Группы вообще не могут переживать эти изменения; конечно, группы могут начать чего-то бояться, но лишь потому, что страх овладевает каждым (или большинством) отдельным членом. Страх — это всегда в значительной степени личное переживание.²² Его пси-

²¹ Вариант такого различия между страхом (отреагированием конкретной внешней опасности) и тревогой см.: Кьеркегор С. *Страх и трепет*. М., 1993. С. 161.

²² Проиллюстрируем эту мысль: одно из моих самых ранних детских воспоминаний — это страх, который я испытывал каждый день, проходя по дороге в школу мимо огромной надписи белой краской на сером бетонном мосту: «Запретите бомбу». Будучи пятилетним мальчиком, я не понимал, что означали те наспех написанные слова. Не понимала и моя старшая сестра, которая помогала мне нести мой школьный портфель. Они просто вызвали у нас беспокойство. Со временем это чувство никуда не исчезло. Оно еще сильнее врезалось в память, особенно после того, как мой во всех остальных отношениях физически крепкий отец перенес ряд раковых опухолей, которые привели к его скоропостижной кончине в возрасте 63 лет. Конечно, развитие раковых опухолей подчиняется сложной логике. В целом, причины рака ничем не отличаются от причин эволюции: мутации. Рак — это главным образом вопрос статистического невезения. (Среди последних работ, лучше всего описывающих состояние знаний о раке, см.: Mel Greaves, *Cancer: The Evolutionary Legacy* [Oxford and New York 2000]; Robert Weinberg, *One Renegade Cell: The Quest for the Origins of Cancer* [London and New York, 1998]). Так что он мог быть результатом случайного совпадения, злым ударом судьбы, но в конце 1950-х годов, сразу же после завершения открытых британских ядерных испытаний на полигонах Вумера и Маралинга в одном из штатов Южной Австралии мой отец был отправлен туда в командировку федеральным правительственным учреждением, в котором заведовал складской работой. Сын бедного безработного ирландского плотника, он совершенно спокойно отправился в командировку. Работа казалась здесь совершенно безопасной, и он прожил полгода в городишке, располагавшемся в пустыне Вумера в 450 километрах от нашего дома. Он никогда не упоминал о защитной спецодежде, и на фотографиях того времени он одет только в шорты и ботинки. Полагаю, что это было обычным делом, особенно учитывая высокую дневную температуру и упрямое невежество властей относительно возможных последствий от соприкосновения с радиоактивной пылью и ее вдыхания. Первая раковая опухоль появилась у него вскоре после возвращения с полигона Вумера. После его смерти не было проведено никакого официального расследования. Никто из журналистов или политиков к нам не приходил, и он был похоронен анонимно, даже не зная, что он мог бы стать специалистом по статистике или что однажды он мог бы встретиться с активистами, написавшими те страшные слова на мосту, который я каждый день пересекал по дороге в школу.

хические и эмоциональные составляющие приобретают более или менее выраженную форму, как с точки зрения «глубины», с которой они переживаются индивидом, так и с точки зрения скорости, с которой они возникают и протекают. Переживание страха может быть поверхностным (когда он воспринимается как нечто вторичное, переживается на расстоянии, выражается в сочувствии к другим) или проникать глубоко внутрь, даже скрываясь в ночных сновидениях тех, чей сон он беспокоит. Переживание страха может быть более или менее неожиданным. Страх может накапливаться постепенно, исподволь, хитростью заманивая жертву в свою ловушку. Или он может внезапно напасть на человека, как грабитель, скрывающийся в темноте, и тогда его последствия становятся очевидными здесь и сейчас.

Страх — это диктатор времени, ибо во всех случаях поверхностных или глубоких переживаний, протекающих быстро или медленно, кажется, что время замедляет или даже останавливает свое течение, когда человек испытывает страх. Так происходит потому, что тело погружается в иной мир. Оно съеживается, становится слабее, уязвимее и тяжелее, оно словно наполняется холодной и тягучей влагой. Страх — это принудительное погружение в бездонный океан. Тело застывает, а потом дрожит. Внешние голоса и звуки становятся приглушенными, ненаправленными, а потом звенят в голове. Начинает стучать в висках. Плечи сжимаются. Пересыхает во рту. Страх застревает в горле, а затем превращается в некое подобие опухоли. Речь нарушается. Сердце начинает бешено биться, пальцы трястись, а руки дрожать. Становится невозможно сконцентрироваться на чем-то ином, кроме страха. Страх сужает сознание и наполняет его мыслями, которые проносятся с шумом как летучие мыши. Кажется, что пульс появляется повсюду — в ногах, в руках, в груди, на лице. Естественное дыхание затрудняется. Вскоре появляется удушье. Или кажется, что все останавливается, что нет ничего ни внутри, ни вовне, а есть только зияющая дыра в груди.

Объективные обстоятельства. Субъективные симптомы страха всегда переживаются в какой-то определенной среде. Страх — это реакция субъекта на объект или объекты, которые кажутся ему враждебными или опасными. В действительности, похожие на страх симптомы могут возникать, хотя ничто не говорит о наличии обстоятельств, вызывающих страх. Когда человек признает, что нет никаких (непосредственных) признаков опасности, но все же говорит: «Я не боюсь чего-то конкретного. Я все время чувствую нечто подобное», и оказывается не в состоянии избавиться от этого чувства, о нем можно сказать, что ему либо не известно значение слова «страх», либо он страдает от травмы, которую испытал когда-то в прошлом.

Во всех остальных случаях страх, испытываемый отдельными людьми или группами, обычно возникает в угрожающих обстоятельствах, которые либо уже имеют место здесь и сейчас, либо появятся в самом ближайшем будущем. Страх может быть вызван множеством объективных обстоятельств — тяжело больной ребенок, неожиданный взрыв, увольнение, нападение грабителя, дикий рев самолета над головой, телевизионные кадры с гражданскими самолетами, превращающимися в смертоносные ракеты. Во всяком случае, эти обстоятельства воспринимаются отдельными людьми или груп-

пой как зловещие, опасные, страшные, возможно даже представляющие угрозу для жизни.

Направленные реакции. Переживаемый в виде симптомов, вызванных объективными обстоятельствами, страх обычно приводит к некой направленной реакции или отреагированию объекта, вызывающего страх. В крайних случаях страх может оказывать на отдельных людей или группу разрушительное воздействие. Страх не отстает от тех, кто боится, ни на шаг. Им не удается избавиться от своих страхов, и происходит регресс к болезненным симптомам, наподобие паники и смятения. Страх также может быть спроецирован вовне, на других, принимая форму преследования, когда переживание страха заставляет субъекта с ненавистью смотреть на врага; иногда страх при посредстве демагогических лидеров затем изливается на других — как в ксенофобии — или с яростью уничтожает или ослабляет (убивает или ранит) причину страха. Как правило, подобные реакции предсказать невозможно, поскольку страх — это форма радикальной неизвестности. Когда тело находится в таком непривычном и возбужденном состоянии, невозможно сказать, что произойдет потом. Для человека, испытывающего страх, последний кажется холодным взглядом с какой-то темной высоты. Он перестает ощущать под собой опору и не знает, как себя вести. Начинает сосать под ложечкой. Тот, кто испытывает страх, неожиданно может почувствовать между ног влажное тепло. Обделаться от страха можно вполне буквально. «Я», которое боится, — это осажденное «я». Отчаянное «я». Прикованное к объекту, оно может застыть или безудержно трястись. «Я» может закричать, спустившись назад темной высоты, на которую оно взобралось, застыть на месте, убежать или броситься на землю.

Удивительным образом, у того, кто боится, от страха могут вырасти крылья (*Timor addidit alas*, согласно латинскому изречению), и он дерзко взлетит над тем, что вызывает этот страх. Во многих руководствах по самосовершенствованию читателям даются советы о том, как обратить свои страхи и неуверенность в решительные действия.²³ В них это называется «обузданием страха», но, испытав влияние классических греческих и римских сочинений, они повторяют все ту же мысль: страх может пробудить смелость, «вынудить к праведности» (Аун Сан Су Чжи)²⁴, а смелость в сложившейся ситуации может стать причиной творческих или отважных поступков, которые в буквальном смысле будут неординарными. То, как именно это происходит, в значительной степени зависит от контекста, но когда большое число людей утрачивает страх, треугольник страха обычно разрушается вследствие катализа. Отдельные люди или группы отважно выбираются из болота страха, тем самым побуждая других последовать своему примеру. Такое избавление от страха — поступок всегда *индивидуальный*, хотя сам поступок может в большей или меньшей степени отталкиваться от группы. Комментируя рассказ Эдгара Алана По о трех рыбаках, угодивших в водоворот, Норберт

²³ См., напр.: Susan Jeffers, *Feel the Fear and Do it Anyway* (London 1991); Gavin de Becker, *The Gift of Fear* (London 2000).

²⁴ Aung San Suu Kyi, 'Freedom from Fear [1991]', in *Freedom from Fear and Other Writings* (London and New York 1995), p. 184.

Элиас отмечает, что двое из них умерли оттого, что их парализовал страх, тогда как тот, который остался в живых, сумел побороть свой страх, заметив, что цилиндрические предметы затягиваются в водоворот не так быстро, а затем прыгнув к бочонку, чтобы спастись. По мнению Элиаса, счастливо уцелевший «начал думать более хладнокровно; и отойдя в сторону, контролируя собственный страх, глядя на себя как бы со стороны, подобно шахматной фигуре, образующей комбинацию с другими фигурами на доске, он сумел перенаправить свои мысли с себя на ту ситуацию, в которой он оказался... Символически представив в своем сознании структуру и направление потока событий, он нашел путь к спасению».²⁵

В таком случае, иногда избавление от страха на индивидуальном уровне оказывается групповым процессом, событием, одинаково поразительным и зависимым от «правильных» отреагирований других. Подходящий пример — октябрьская революция 2000 года в Сербии.²⁶ Вероятно, неожиданное свержение *ancien régime* было бы невозможно без бесстрашных катализаторов, наподобие молодежной группы «Отпор», которая, несмотря на жестокое подавление, всеми силами сопротивлялась «социоциду» (свертыванию гражданского общества) и бросала режиму Милошевича открытый вызов своими ненасильственными действиями, включавшими вывод граждан на улицы больших и малых городов, проведение музыкальных концертов, а также вывешивание в общественных местах транспарантов и раздачу листовок с лозунгами, наподобие «Ему конец!», которые казались тогда фантастическими. Их поступки были праведными в буквальном смысле слова.²⁷ Они чувствовали, что должны были взять на себя ответственность, вынести которую могли лишь они одни. Их задачи не могли быть обыкновенными или банальными. Они ощущали необходимость выйти за обычные рамки, сделать то, что другие, будучи напуганными или чересчур себялюбивыми, не желали или не стали бы делать в здравом уме. Как и все прежние праведники, они, несмотря на страх, были *особыми* людьми. Они стремились совершить невозможное, поэтому они и не ждали, что другие будут стремиться к тому же, что и они. Но именно это и делало их праведниками: готовность взять на себя ответственность за то, что они делать были не обязаны.

Страх, который пробуждает смелость и стремление к свободе, — это всего лишь одна из разновидностей отреагирования страха. Возможность избавиться от него, столкнувшись с источником этого страха, действительно может вызвать воодушевление. Стремление привлечь все внутренние и внешние ресурсы для того, чтобы воспитать привычку сопротивляться влиянию страха на свои поступки, может укрепить мужество отдельного человека. А возможность объединяться с другими людям для совместного противодействия удрушающим миазмам страха представляет собой форму уполномочивания. Пре-

²⁵ Norbert Elias, «The Fisherman in the Maelstrom», in *Involvement and Detachment* (Oxford 1987), p. 46.

²⁶ Dragica Vujadinović-Milinković, «Degradation of Everyday Life, Destruction of Society and Civil Society Suppression», доклад, прочитанный в Университете Бредфорда, 25–26 марта 2000 года; и моя беседа с Загой Голубович, Пераст, Черногория, 2 июля 2000 года.

²⁷ См. замечания: Emmanuel Levinas, «Mourir pour...», in *Entre nous: Essais sur le penser-a-l'autre* (Paris 1991), pp. 228–229.

одоление страха может, конечно же, придать людям уверенность в своих силах, как это обычно и происходит в процессе онтогенеза и в определенный волшебный момент в начале каждой революции (как подчеркивается в прекрасном исследовании Рышарда Капусцинского, посвященном свержению режима Пехлеви²⁸). Тем не менее, страх не следует возвеличивать, считая его чем-то вроде необходимого условия отважного поступка, предпосылкой демократической свободы. Для этого есть две основные причины.

Во-первых, отреагирования, вызванные страхом, могут пагубным образом повлиять на свободу и достоинство — подчас даже жизнь — других людей. Страх способен повлечь за собой антидемократические настроения и результаты. Соглашения, заключаемые на основе страха, которые были описаны и оправданы в трактате Томаса Гоббса «О политическом теле» и других его сочинениях, можно считать разновидностью боязливой реакции отдельных людей и групп, завершающейся их собственным подчинением.²⁹ Еще одним примером возможных антидемократических следствий страха служат попытки тех, кто испытывают страх, спроецировать свои страхи на других, например в форме ненависти к иностранцам или националистической спеси.

Есть и вторая причина того, почему страх не следует превозносить в качестве источника мужественной свободы. При переживании страха всегда имеют место мгновения, которые кажутся бесконечно долгими, когда человек боится, что ему не удастся отреагировать, или не предпринимает никаких действий, чтобы защититься, например, тогда, когда человек бледнеет, его бросает в пот, он начинает кричать и т.д., а потом он говорит, что «шибко испугался» или «врос в землю». Такое бездействие, конечно же, можно — вполне обоснованно — считать разновидностью реакции, хотя она очень незначительна и произвольна, способствующей осознанию того, что страх — это вовсе не друг свободы. Всякий страх — это неволя, гласит старая итальянская и английская пословица.³⁰ Страх — это вор. Он крадет у субъекта его способность действовать вместе с другими или вопреки другим. Он оставляет его потрясенным, а иногда наносит ему неисцелимую травму. И когда над большим числом людей сгущаются тучи страха, никакое солнце не способно осветить гражданское общество. Страх иссушает его живительные силы и соки и выворачивает наизнанку институты политического представительства. Страх пожирает душу демократии.

Страх как общественная проблема

Итак, обратимся к следующему вопросу: действительно ли демократии, понимаемые как динамические системы ответственной перед обществом власти, содержат в себе механизмы «приватизации», а следовательно, и ослабления

²⁸ Ryszard Kapuściński, *Shah of Shahs* (London 1986), pp. 109–111.

²⁹ Thomas Hobbes, *De Corpore Politico: or the Elements of Law, Moral and Politic*, in William Molesworth (ed.), *The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, volume 4 (London 1840), part 1, chapter 2, section 13, pp. 92–93.

³⁰ James Sanford, *The Garden of Pleasure: Contayinge most pleasante Tales... Done out of Italian into English* (London [?] 1573), p. 52.

или даже искоренения страхов, угрожающих социальным и политическим свободам, которые составляют источник жизненной силы демократии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимы свежие мысли и суждения, хотя бы потому, что тезис о том, что демократии «приватизируют» страх, весьма уязвим. Более глубокое представление о страхе и демократии предполагает, что тезис этот слишком прост и несколько ограничен. Гораздо большего внимания требуют также некоторые вышеназванные противоположные тенденции в государственных органах, гражданских обществах и средствах массовой информации. Такие противоположные тенденции, по всей вероятности, обуславливают не только то, что страхи не преодолеваются демократией, но и то, что страх представляет собой постоянную *общественную* проблему — одновременно потенциальную и действительную — существующих демократий.

Война. Рассмотрим проблему войны: в сфере правительственных учреждений страхи граждан, вызванные войной и слухами о войне, нисколько не исчезают. И хотя демократии обычно не ведут войн друг против друга,³¹ это не означает, что война каким-то образом забыта или исчезла с горизонта нашего опыта. В наше время в обществе господствует представление о необходимости минимизации человеческих потерь во время войны. Опора на надежные компьютеризованные воздушные бомбардировки как на предпочтительное средство военного вмешательства и рост «пост-героических» представлений о войне влекут за собой нежелание мужчин и женщин размахивать флагами, надевать военную форму и участвовать в войнах. Исходя из этого, некоторые ученые сделали вывод о том, что мир разделен на две части: зону насильственной анархии, которая охвачена войнами и где правят полевые командиры и царят беззаконие, репрессии и голод; и «безопасное сообщество» миролюбивых преуспевающих демократий, в которых вызываемый войной страх исчезает.³²

Такой вывод может показаться обнадеживающим, но, как недвусмысленно показали недавние события, он по своей сути ошибочен. Так называемая демократическая зона мира не в состоянии избавиться от проблемы страха, вызванного войной, и не только потому, что наркоторговля и глобализованное производство вооружений тесно связаны с судьбой тех зон, где не прекращаются войны. Дело в том, что общественность призывает к осуществлению военного вмешательства везде, где нарушаются права человека, где страдают от чумы негосударственного насилия и варварских войн, разжигаемых торговцами оружием, полевыми командирами, бандитами, вооруженными сектами и повстанческими армиями. Страх войны сквозит в газетных заголовках. То же относится и к росту глобальной системы средств массовой информации, редактора которых часто показывают войну и зверства в соответствии с правилом: «Если есть кровь, значит пройдет «на ура»».³³ Кроме

³¹ R. J. Rummel, *Understanding Conflict and War* (Beverly Hills, Calif., 1975–81), volumes 1–5.

³² Max Singer and Aaron Wildavsky, *The Real World Order: Zones of Peace/Zones of Turmoil* (Chatham, N.J., 1993).

³³ См. об этом: John Kean, «The Long Century of Violence», in *Reflections on Violence* (London and New York 1996)

того, нерешенной остается проблема того, какую роль будут играть в мировой системе государства, обладающие ядерным оружием в эпоху после окончания «холодной войны». В этой системе господствуют Соединенные Штаты, единственная мировая сверхдержава, которая может лавировать, опираясь на свои ядерные вооружения. Постоянно лавируя, Соединенные Штаты ведут активную деятельность в ряде регионов, но их действия осложняются тем обстоятельством, что им приходится теперь сосуществовать и мирно сотрудничать с четырьмя великими державами, три из которых – ядерные: Европа, Китай, Россия и Япония. Геометрия такого мироустройства заметно отличается от застывшего состояния времен «холодной войны», когда (согласно формуле Раймона Арона) демократические государства жили по правилу: «мир невозможен, война маловероятна». После краха биполярного противостояния правило изменилось. Ничто не говорит о завершении послеядерной эпохи и избавлении от страха аварии ядерного реактора или ядерной войны, которые принесли бы с собой завершение этой эпохи. Сегодня, по выражению Пьера Хаснера, мир стал чуть менее невозможным, а война чуть менее невероятной, главным образом потому, что во всем мире установилась непредсказуемая анархия.³⁴ Вероятность ядерного апокалипсиса, в ходе которого Земля и населяющие ее народы превратятся в пыль, может, уменьшилась, однако возможность возникновения крупных войн, в том числе и с использованием оружия с ядерными боеголовками в конфликтах, возникающих на локальном уровне, по-прежнему сохраняется. Во время войн теперь обычно используют снаряды с обедненным ураном. Ядерного оружия предостаточно на складах Соединенных Штатов и Российской Федерации, которые имеют примерно по 7.000 ядерных боеголовок.³⁵ И, вопреки Договору о противоракетной обороне 1972 года, ядерное оружие, как можно увидеть на примере гонки ядерных вооружений между Пакистаном и Индией и между Израилем и арабскими странами, распространяется все шире, несмотря на все прежние соглашения о правилах ядерного противостояния и то обстоятельство (обнаружившееся в так называемой Национальной системе противоракетной обороны, создание которой затеяла администрация Буша), что проблема ядерного оружия теперь тесно связана с быстрым ростом так называемого обычного вооружения.

Сбои гражданского общества

Последовательно реалистические объяснения ослабления страха в современных гражданских обществах должны учитывать существование тенденций, ослабляющих сами гражданские общества, а также меры, необходимые для преодоления таких тенденций. Беспокойный (подходящее слово, ис-

³⁴ См. заключительное интервью в: Pierre Hassner, *La violence et la paix: De la bombe atomique au nettoyage ethnique* (Paris 1995): «В прошлом доктрина сдерживания отвечала гражданскому характеру наших обществ: невидимая рука или абстрактный механизм заботились о нашей безопасности, а мы об этом даже не задумывались. Но сегодня ядерная проблема больше не рассматривается сама по себе, она неразрывно связана со всем остальным».

³⁵ *The Times* (London), February 10, 2001, p. 16.

пользованное Гегелем для описания своеобразия современных обществ) характер гражданских обществ служит помехой для естественных тенденций, направленных на установление социального равновесия, а социальные узлы, возникшие в результате конфликтов, ими вызванных, не гарантируют избавления граждан от чувства страха. Гражданские общества структурируются динамическим комплексом организующих принципов и институциональных форм, которые дезориентируют участников, создают риски и ставят перед трудным выбором. Возникающая в результате тревога, по замечанию Франца Ноймана,³⁶ служит той почвой, на которой произрастают различные страхи. Еще один пример – дезорганизующее воздействие процессов товарного производства и обмена, связанного с рыночной экономикой. Свобода вкладывать и забирать капитал вызывает известные симптомы: например, периоды творческого разрушения, связанного с техническими новшествами; приток капитала и сверхспекуляцию, сопровождаемые спадами; периодическую безработицу и излишек рабочей силы. Возникающие в результате стрессы и перенапряжение могут вызвать и действительно вызывают подлинные страхи – страх лишиться средств к существованию (у рабочих) или собственных штанов (у собственника капитала или того, кто им распоряжается). В той степени, в которой рыночные экономики вплетаются и включаются в глобальную экономику, такие страхи приобретают мировые масштабы. Они состоят из бесконечных экологических катаклизмов, причиной которых служат рыночные экономики, работающие на ископаемом топливе. Причем на первом месте здесь стоят Соединенные Штаты, жители которых сейчас потребляют в 50–100 раз больше энергии, чем жители Бангладеш. За прошлое столетие такие экономики потребили в десять раз больше энергии, чем их предшественники за тысячу лет до 1900 года.³⁷

Страхи также произрастают из склонности гражданского общества создавать внутреннюю неопределенность и порождать противоречия между составляющими его отдельными людьми и группами. Такова отправная точка так называемых коммунитаристских критиков гражданского общества. оплакивая утрату воображаемых устойчивых сообществ прошлого и страдая от состояния, которое можно было бы назвать *Gesellschaftsangst*, они мечтают о том, чтобы сшить воедино разорванные кусочки морали синей нитью Политического Сообщества. Что невозможно сделать, не разрушив при этом самого гражданского общества, но тот акцент, который они делают на его дезорганизующих следствиях, а также и беспокойство, которое они вызывают, хотя и в преувеличенном виде, свидетельствуют о том, что гражданские общества порождают страх в значительных количествах. Действительно, они вырабатывают средства (искусство вежливости и доброжелательного отношения,

³⁷ J. R. McNeill, *Something New Under the Sun. An Environmental History of the Twentieth-Century World* (London and New York 2000), pp. 14–17.

³⁶ Franz Neumann, «Anxiety and Politics», in *The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory* (New York 1957), p. 271: «Современное общество производит фрагментацию не только общественных функций, но и самого человека, который как бы держит различные свои способности в различных ящичках (любовь, труд, отдых, культура), каким-то образом объединяемые под действием некоего внешнего механизма, который остается непонятым и непонятным».

способность уходить от конфликтов, шутить, договариваться и достигать взаимовыгодных компромиссов), которые помогают улаживать противоречия и успокаивать вызываемые ими страхи. Можно также привести веские доводы в пользу той точки зрения, что конфликт — это важнейший фактор социализации и что гражданские общества выигрывают от накопления опыта своих социальных конфликтов, особенно тех, которые не несут большой угрозы или «проходят бесследно».³⁸ Разумеется, на практике различие между конфликтом, который несет большую угрозу, и конфликтом, который таковой угрозы не несет, само по себе оказывается весьма спорным для участвующих в этом конфликте сторон и представляет собой серьезный камень преткновения: гражданские общества пробуждают в своем воображении страхи относительно того, что совершили, совершают или могут совершить другие, страхи, которые подчас доходят до того, что сами члены гражданских обществ в различной степени — от самой умеренной до самой острой — оказываются напуганными. Тревожным симптомом в сегодняшнем Европейском союзе служит обеспокоенность вопросами национальной идентичности и вспышками ксенофобии, в основе которых лежат дикие фантазии о «поглощении» «чужаками» или то, что немцы называют *Überfremdungsangst*. Проявления могут быть более резкими или более мягкими, но чаще всего слышны разговоры в духе: «А что, итальянский ресторанчик через дорогу от вас закрылся?» «Да, теперь в нем заправляют китайцы». «О нет, опять!»³⁹

Средства массовой информации и зачарованность страхом

Ни одно объяснение проблематики страха и демократии не может быть вполне убедительным без рассмотрения того, каким образом современные средства массовой информации зачаровывают свои аудитории историями, которые не просто рассказывают о страхах, но и вызывают их. Почему, начиная с кладбищенских поэтов и первых омерзительных историй из бульварной прессы, через Дракулу, фильмы Альфреда Хичкока и романы Стивена Кинга, миллионы людей столько времени тратят на то, чтобы сознательно пугать самих себя, испытывая тайное удовольствие от того, что по телу побежали мурашки? Почему средства массовой информации современных демократических государств беззастенчиво используют возможность привлечь к себе публику тем, что должно заставить ее кричать?

Найти убедительные ответы на эти вопросы не легко, хотя один из вариантов ответа заключается в рассмотрении того, каким образом страх связан с опытом смерти. Вся западная история рассуждений о страхе и политике, начиная с Фукидида, может рассматриваться в «экзистенциальных» терминах, как подмножество более общих, глубоко личных реакций на то неизбежное обстоятельство, что все мы обречены умереть. Смерть всегда захватыва-

³⁸ См.: Albert Hirschman, «Social Conflicts as Pillars of Democratic Market Society», *Political Theory*, 22, 2 (1994), p. 56. Социализирующее воздействие конфликтов рассматривается в первопрородческой работе: Georg Simmel, «Der Streit», in *Soziologie, op. cit.*

³⁹ Frank Pergande, «Der Sozialismus hat Erfolg gehabt», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 262/45 (November 10 2001).

ет и увлекает людей, независимо от того, известно ли им об этом и согласны ли они с этим. Интерес появляется в раннем возрасте, когда смерть вызывает стойкое любопытство, но чаще всего она подпадает под табу, навязанные взрослыми. С функциональной точки зрения, взрослые люди, а также большие и малые группы, справляются со смертью при помощи множества стратегий, которые зачастую приводят к непредсказуемым результатам. Они могут впадать в меланхолию, смиренно вздыхать или отчаиваться, они начинают всерьез относиться к важнейшим жизненным вопросам, тем самым зарабатывая себе репутацию людей, способных испортить другим удовольствие. Другие же, озабоченные идеей и неизбежностью смерти, ищут религию, которая несет утешение, ставя смерть на свое место, а иногда даже (например, в случае «христианской науки») открыто отрицая ее. Безусловно, существуют более простые способы забывания смерти. Возвеличивание мертвых в теплых воспоминаниях и «значительные усилия, направленные на отрицание смерти»⁴⁰ путем наложения на нее табу, — вот лишь два примера из множества способов, при помощи которых живым на время удается смириться с неизбежностью смерти. Они живут, убежденные в собственном бессмертии.

Хорошо известно, что попытка отделаться от смерти чревата определенными последствиями. Людям обычно приходится расплачиваться за ее отрицание. Иногда цена оказывается высокой и принимает форму серьезных симптомов, например, приступов депрессии и психосоматических заболеваний. Но чаще бывает, что люди испытывают — иногда очень остро — то, что Фрейд назвал жутким (*das Unheimliche*), а именно — чувство зачарованности зловещим, темным, странным. Когда они попадают в логовище жуткого, как будто против своей воли, они напоминают детей, которые боятся темноты, но все же не могут оторвать от нее взгляда. Убедившись, что непосредственная угроза их жизни отсутствует, они проявляют весьма серьезный интерес к смерти.

Независимо от того, является ли «смерть целью всей жизни» и страдают ли люди от тайного желания умереть,⁴¹ нам нет нужды останавливаться на этом. Суть заключается в следующем: поскольку осознанный страх смерти не позволил бы людям вести обычную повседневную жизнь, они его вытесняют. Такое вытеснение, в свою очередь, вызывает напряжение, которое во избежание чрезмерного его накопления время от времени выходит через предохранительный клапан.⁴² Что-то от этого есть в старом анекдоте о человеке, который настолько боялся смерти, что сам себя же и убил. Иными словами, при демократии случается, что люди сами испуганно тянутся к смерти, чтобы быстрее вырваться из ее объятий. При демократии такие страхи больше не проецируются на воображаемые «силы» природы; религиозные институты утрачивают свою монополию на сообщение с жутким при помощи священных образов, приковывающих внимание верующих к образам живого Бога, который предстает в облике некоего ужасного божества, способ-

⁴⁰ Hattie Rosenthal, «The Fear of Death as an Indispensable Factor in Psychotherapy», in Hendrik M. Ruitenbeek (ed.), *Death: Interpretations* (New York 1969), pp. 169–170.

⁴¹ Фрейд З. *По ту сторону принципа удовольствия* // Фрейд З. *Психология бессознательного*. М., 1990.

⁴² G. Zilboorg, «Fear of Death», *Psychoanalytic Quarterly*, 12 (1943), p. 465; см. Также: Hattie Rosenthal, «The Fear of Death as an Indispensable Factor in Psychotherapy», *op. cit.*

ного прогневаться на жалких людишек. Следовательно, современный опыт жуткого, как правило, оказывается «бездомным». Вернемся к средствам массовой информации: успешное создание и сохранение ими своих аудиторий отчасти связано с их способностью создавать такие места, которые позволяют людям фиксировать свои символические представления об умирании и смерти. Средства массовой информации позволяют людям, которые словно одержимы волнующей картиной, наподобие той, где Дюрер изобразил Смерть в виде незваной гостьи, упрямо преследующей свою жертву, удовлетворять таким образом свой страх смерти.

Демократизация страха

В современных демократических странах индустрия страха (беспрестанное распространение средствами массовой информации образов и историй о страхе) широко критикуется за преувеличение масштабов и глубины тяжких преступлений и иных личных и групповых несчастий.⁴³ Она обвиняется в *провоцировании* страхов у других людей, подчас высказывая столь расплывчатые суждения о «реальности», что люди начинают излишне паниковать, полагая, что они живут в некоей последней современной разновидности беззаконного состояния природы, описанного Томасом Гоббсом. Подстегиваемые рейтингами, средства массовой информации превращают страх в товар. Они заваливают свою аудиторию историями об одержимых убийствами *au pairs*, массовых убийцах детей, учителях-педофилах и беспощадных вирусах-убийцах. Отсюда вытекает соответствующая — антидемократическая — вера в гоббсовские решения или в то, что принято таковыми называть. Те, кто испытывает страх, находят отдушину в разговорах о росте преступности и ее причинах; они ежатся под защитой страховых полисов, охранных сигнализаций и замкнутых сообществ, готовых дать «вооруженный отпор».

Репрессивные формы закона и порядка вполне могут возникать у граждан, испытывающих страх, хотя политика страха — это дикая лошадь, способная удивлять самыми невероятными прыжками. Можно привести прекрасный довод в пользу того, что диалектика коммерциализации страха в кино, на телевидении и в музыке заслуживает большего внимания, поскольку в долгосрочной перспективе она приводит к перемещению страхов, внутренне переживаемых человеком, в общественную сферу. В результате, обществу становится известно о тех, кто испытывают страх, и о том, что представляют собой эти страхи. Страхи, однажды испытанные жертвами бандитов, растлителей малолетних или насильников, суть сравнительно недавние примеры этой тенденции. Определяя эти страхи и позволяя тем, кто их испытывают, высказаться публично, средства массовой информации доводят до сознания граждан то, что эти страхи представляют собой *общественную* проблему, для решения которой в принципе могут и должны быть найдены *общественные* средства.

⁴³ См., напр.: Barry Glassner, *The Culture of Fear. Why Americans Are Afraid of the Wrong Things* (New York 1999).

Такое длительное превращение страха в общественную проблему, конечно же, предполагает существование множества самых различных исключений, но его жизненно важное значение можно оценить, поместив его в более широкий исторический контекст. До восемнадцатого века — до появления первопрородческих идей Монтескье — страх считался печальной необходимостью в человеческих отношениях. И хотя существовала традиция стенаний по поводу чрезмерной власти и безумия, порождаемого страхом, все же считалось, что страх является неотъемлемой составляющей природы человека. Страх представлялся липкой паутиной, которую плетут боги, столь же естественной и неизбежной, как гром и молния, составляющей человеческого бытия — так полагал сам Фукидид, связывая страх со стремлением человека к безопасности, славе и материальному богатству.⁴⁴

В восемнадцатом веке такое представление о неизбежности страха начало рушиться. Разразилась затяжная революция в понимании страха. Итак, страх получил множество имен, а затем стал исследоваться авторами, которые проводили различие между его причинами и поводами. Внимательно изучались его истоки в плотно переплетенной ткани психической, социальной и политической жизни. Более того, появилась возможность — по крайней мере, так думали эти авторы — преодоления страха и его парализующих последствий, причем не просто путем его успокоения или ослабления, например, посредством религиозной веры. Страх стал считаться исключительно человеческой проблемой, решаемой при помощи исключительно человеческих средств. Некоторые авторы даже рассматривали эту тему в политическом отношении, иногда даже с радикальных позиций, например, утверждая, что определенный тип политической системы (демократическая республика) представляет собой своеобразную «школу смелости» (Ферреро) и, следовательно, лучшее противоядие от страхов, которые лишают граждан способности поступать самостоятельно.

После того, как страхи, некогда переживавшиеся внутри, стали считаться общественной проблемой, возникла основа для понимания страха как обусловленной, как *политической* проблемы. Такое длительное превращение может быть названо «демократизацией» страха, но не в том смысле, что у всех появилась возможность осуществления своего права на страх или обязанность бояться, а в том смысле, что страх, особенно в его обесценивающих и антидемократических формах, перестает казаться «естественным» и начинает пониматься как *обусловленное* человеческое переживание, как *объективно излечимое* явление, как политическая проблема, для решения которой могут быть найдены политические средства. Важным шагом на пути к современной демократизации страха стала его классификация. Частично в подражание методам, впервые предложенным Линнеем, среди исследователей страха появилась мода на придумывание новых слов. В первой четверти девятнадцатого века суффикс —*фобия* (от греческого *phobeio*, означающего «я боюсь» и «я обращен в бегство») стал широко использоваться в медицинской и психологической литературе, причем настолько широко, что такие люди, как Бенджамин Раш, шутки ради предлагали новые термины, наподо-

⁴⁴ См.: Milan Podunavac, *Politics and Fear* (в печати).

бие «ромовой фобии» («очень редкое душевное расстройство»), «церковной фобии» и «фобии докторов».⁴⁵ Не столь забавное изобретение Карлом Вестфалем термина агорафобия заострило внимание на случаях болезненного страха открытых пространств.⁴⁶ Другие впервые заговорили о таких страхах как *фотофобия* (боязнь и избегание света), *гидрофобия* (водобоязнь, ранее называвшаяся *фободипсией*, боязнь употребления жидкостей) и *ксенофобия*, боязнь и стремление избегать чужаков и незнакомцев. Накануне первой мировой войны одним авторитетным автором было отмечено одновременное употребление 136 различных неологизмов с суффиксом *-фобия*.⁴⁷ Новый и постоянно растущий словарь для описания и анализа страха, несомненно, способствовал повышению «мастерства» и клинического «авторитета» его исследователей. Одновременно были заложены основы представления о том, что страхи могут быть названы и классифицированы, а их этиология — публично объяснена. Ранние суждения Фрейда о зоофобиях у детей (боязни лошадей у «маленького Ганса» и боязни волков у молодого русского, известного под именем «человек-волк»)⁴⁸ способствовали укреплению этой тенденции. Страх не считался ни естественным следствием рождения (как утверждал Ранк), ни проявлением врожденной способности (как предполагал Эрнест Джонс), ни болезнью.⁴⁹ Подобные страхи указывали на существование вытесненных страхов и желаний, которые смещались под воздействием «я», чтобы затем появиться в сознании вновь, но уже в искаженном виде. Принято считать, что такое искажение страхов возникает вследствие попытки убежать от них, и в принципе от страхов можно избавиться путем саморефлексии и их обсуждения.

Современная озабоченность травмами (настолько сильные переживания страха, что при помощи обычных средств человеку уже не удается с ними справиться) способствует дальнейшему развитию процесса демократизации страха. Многие исследования в отдельных областях психиатрии и психоанализа отмечают, что от острого переживания страха страдают не только те, кто пережили Шоа, ядерную бомбардировку, эмиграцию, тюремные лагеря или тяжелые бои. Травмы обнаруживаются совсем близко, иногда даже слиш-

⁴⁵ Цит. по: Karl Menninger et. al., *The Vital Balance: The Life Processes in Mental Health and Illness* (New York 1963), особ. p. 444. См. также важные замечания в работе: Leopold Loewenfeld, *Die psychischen Zwangsercheinungen* (Wiesbaden 1904), pp. 330–355.

⁴⁶ Carl F. O. Westphal, «Die Agoraphobie: Eine neuropatische Erscheinung», *Archiv für Psychiatrie* 3 (1871), pp. 138–161. Вестфаль описывает возбужденного пациента, который испытал страх открытого пространства в Тиргартене, большом парке в Берлине, где не было жилых домов или других строений. Пациент мог ходить по нему в компании других людей, но всякий раз, когда он оказывался в похожих местах один, он страдал от таких серьезных симптомов, как головная боль, сильное сердцебиение и дрожь.

⁴⁷ G. Stanley Hall, «A Synthetic Genetic Study of Fear», *American Journal of Psychology* 25 (1914), pp. 149–200, 321–392.

⁴⁸ Фрейд З. *Анализ фобии пятилетнего мальчика* // Фрейд З. *Психология бессознательного*. М., 1990; Фрейд З. *Случай Человека-Волка (Из истории одного детского невроза)* // *Человек-Волк и Зигмунд Фрейд*. [RTF bookmark start: p354][RTF bookmark end: p354] Киев, 1996.

⁴⁹ См. критику Ранка в работе: Sigmund Freud, *The Problem of Anxiety* (New York 1936), chapter 10; ср.: Ernest Jones, «The Pathology of Morbid Anxiety», (1911) in *Papers on Psychoanalysis* (London 4th edition).

ком близко, чтобы можно было жить спокойно. Обычные симптомы того, что раньше называли «военным неврозом» или «психической травмой, полученной в ходе военных действий», а теперь называют посттравматическим стрессовым расстройством (симптомы, выражающиеся в эмоциональном обеднении, ощущении беспомощности, гневе, тревоге, нарушениях сна, спонтанных воспоминаниях, приступах паники, чрезмерной настороженности, мыслях о самоубийстве, чувстве вины из-за того, что уцелел, самобичевании, боязни утратить других, общей спутанности), часто встречаются и среди тех, кто были напуганы до полусмерти, например, среди тех, кто пережили изнасилование и инцест.⁵⁰ Отдельным людям и группам, страдающим от острого страха, не легко вырваться из его объятий. Страх живет в своих жертвах. Он не отступает от них ни на шаг. Несмотря на то, что они могут и не помнить ничего из того, что с ними произошло, жертвы страха остаются тревожными. Все выглядит так, словно то, что случилось с ними позднее, возвращает их к исходным страхам. «Нормальная» жизнь в гражданском обществе уже не может стать самой обычной. В нормальной жизни их преследуют причудливые страхи, от которых, как они полагали, им удалось скрыться. Поэтому они испытывают потребность засвидетельствовать, рассказать другим об ужасах, которые они испытали — и таким образом мучительно возродить свою искаленную жизнь, прибегнув не к успокоительному, а к катарсису.

В попытке обозначить страхи, присвоить им названия, рассказать о них и позаботиться об их жертвах, настигнув преступников и предав их законному суду, есть нечто положительное, хотя и незавершенное. Трудно понять, занимаются ли сегодняшние демократии, подобно другим режимам, порождением собственных страхов или же, напротив, путем публичной демонстрации низких последствий страха они воспитывают бесстрашие. Одно можно сказать точно: несмотря на то, что современная политическая наука и политическая философия так высоко парят над землей страха, обитатели ее не остаются безучастными. Страх — это тема, которую невозможно игнорировать или исчерпать, просто потому, что демократические государства способствуют осознанию обществом того обстоятельства, что те, кто игнорируют страх, делают это на свой собственный риск.

Перевод с английского Артема Смирнова

⁵⁰ Хорошие обобщения этих тенденций можно сделать путем сопоставления следующих работ: *Report of the War Office Committee of Enquiry Into «Shell-Shock»* (London 1922); the Veteran Administration publication, *Selected Bibliography 2: Post-Traumatic Stress Disorder with Special Attention to Vietnam Veterans*, Revision 25 (Phoenix, VA Medical Center), January 16 1986; Charles R. Figley (ed.), *Stress Disorders Among Vietnam Veterans: Theory, Research and Treatment* (New York 1978); Alice Miller, *Am Anfang war Erziehung* (Frankfurt am Main 1980); Kalí Tal, *Worlds of Hurt. Reading the Literatures of Trauma* (Cambridge and New York 1996).